

ОБРЯДОВЫЙ ФЛАГ ЧУВАШЕЙ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.К. Салмин

Этническая история всегда оставалась самой сложной из всех проблем для исторической науки в широком смысле. Поэтому этнографы стараются воспользоваться каждой возможностью найти и объяснить те или иные сходства, параллели и «трудные факты» в истории народов. В данном случае автора этих строк заинтересовал редко встречаемый в современных исследованиях обрядовый флаг чувашей домашнего изготовления (исконное название – элем, после тюркизации-татаризации – ялав), надеясь, что сравнения с имеющимися примерами из жизни других народов прольют пусть и небольшой луч света на обсуждаемую тематику. В этом – актуальность статьи. Целью работы явились поиски традиций использования бытового флага в обрядовых ситуациях. В качестве научной опоры была выбрана проверенная годами методология сравнительно-исторического исследования. Научную новизну определяют имеющиеся прямые и семантические соответствия чувашских паттернов с таковыми у народов Кавказа и Среднего Поволжья. Оказалось, что обрядовый флаг, в частности у чувашей, стал незаслуженно «забытой» историко-этнографической проблемой. Изучение ее привело к мысли о том, что чувашки в своей истории имели прямые контакты с алано-осетинами на Кавказе и Волго-Донском междуречье и с черемисами-марийцами, уже оказавшись на Среднем Поволжье. Так на частном примере можно проследить миграционные следы исторических предков чувашей. В середине XX в. зафиксировано наибольшее количество обрядовых флагов среди чувашей. Их использовали во время помочи, на свадьбах и, особенно, при проводах в армию. Женское головное полотенце с богатой вышивкой сурпан часто использовалось вместо флага. Ныне полузабытые обряды с флагом возрождаются на волне неотрадиционализма.

Ключевые слова: обрядовый флаг, чувашки, Восточная Европа, Кавказ, этническая история.

Для цитирования: Салмин А.К. Обрядовый флаг чувашей в сравнительно-исторической перспективе // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 60 (99). С. 74-82. DOI: 10.46698/VNC.2026.99.60.014

Поступила в редколлегию: 10.04.2026 г.

Принята к публикации: 15.06.2026 г.

Самой трудной, практически до конца неразрешимой проблематикой в этнографических исследованиях любого народа является, убежден автор этих строк, этническая история (этногенез, как ее еще называли в недавнем прошлом). Например, если взять разработку этого вопроса на материале чувашского народа в течение практически трех столетий, мы сталкиваемся то с трагическими судьбами того или иного исследователя из-за политических или личностных атак несогласных оппонентов, то с обвинениями в незнании предмета, то с постоянными критическими выпадами. Здесь дело даже не в личных симпатиях-антипатиях, а прежде всего – в сложности самой темы, в недостатке первоисточников и в степени подготовленности исследователя. Назову только некоторые имена – Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, В.Ф. Каховский. За первым закрепился ярлык флагмана чувашской тюркологии, второго оценивают только как лингвиста, третьего то возносят до невероятных высот, то низводят до нуля. На самом деле всех их надо рассматривать комплексно. Так, Н.И. Ашмарин не замыкался в чувашском тюркизме, В.Г. Егоров выходил далеко за рамки чувашского языкознания и заставлял задумываться, метко указывая на закавказские истоки,

В.Ф. Каховский также приводил сравнения с народами Кавказа. Таких примеров много. Практически почти с каждым историком, этнографом или языковедом ситуация аналогичная. Например, В.Д. Дмитриева оценивают прежде всего как историка феодализма, но в его трудах имеются замечательные пассажи по этнической истории. Как говорится, только надо суметь отделять зерна от плевел. Или возьмем работы корифея лингвистики В.В. Радлова. Кого ни читаешь – то почти однозначно встречаешь определение «Радлов-тюрколог». В то же время он утверждал, что чувашаи – не турки, а тюркизированный народ [1, 159-160]. К чему я все это? А к тому, что мы уже давно идем по проторенным дорогам, не замечая и закрывая глаза на белые пятна в истории этноса.

Одной из таких «отвергнутых» (или, чтобы как-то оправдаться, «забытых») проблем оказался и вопрос об обрядовых флагах в этнографии чувашей. К моему стыду тоже. В мое поле зрения они попали лишь в самом начале этого века. Поэтому коллегам предлагаю вместе пройтись по источникам и материалам, имеющим отношение к поставленной проблематике. И так – флаги с обрядовыми назначениями. Чтобы получить какое-то цельное представление и восполнить утерянные звенья, воспользуемся материалами других народов. Все это, надеюсь, также поспособствует приоткрытию и уточнению еще одной странички истории чувашского народа.

Признаюсь, впервые столкнулся с темой в 2000 году, когда работал профессором на двух факультетах Чувашского госуниверситета – на историческом и чувашской филологии. Тогда я придумал для студентов задание для допуска к экзамену: с зимних каникул приносить из своих деревень записи по чувашскому фольклору и относящиеся вообще к традиционной культуре. Но некоторые студенты вместе с текстами начали приносить и фотографии, в основной части относящиеся к середине XX в. И вот среди них и оказалось то самое открытие, о котором и пойдет речь. Из-за трансформаций самих традиций обрядовые флаги ныне очень редки и не практикуются в некоторых районах. Попробуем по порядку.

Обычное, наиболее распространенное литературное название флага в чувашском языке – *ялав*. Должно быть, слово относится к общетюркской лексике, пришедшее к чувашам через казанских татар. Так, в чагатайском – *jalay* [2, 155]. Однако есть еще одно, во многом подзабытое его обозначение, – *элем*. Именно так указано в авторитетном 17-томном словаре чувашского языка (в произношении – эл'э_м) [3, 11]. Этимологию данного слова возводят к персидскому *ælæt* (*äläm*, *ä'lam*) [4, 349] и арабскому *'alam* [5, 126]. В осетинском языке – *ælæt/ilæt*, грузинском *alami*, сванском *let*, ингушском *ælæt*. Когда речь идет о военном флаге, используют слова *стяг* и *знамя*, а в церковных текстах – *хоругвь*.

Имеющийся материал позволяет охарактеризовать внешний вид, структуру и детали изучаемого флага. По размеру он обычно от 0,6 до 1 м, притом более длинная сторона по высоте. Полотно как правило выбирается наиболее плотное и толстое. В середине чаще изображают звезду в виде вышивки или аппликации. Края всех сторон окантовываются бахромками. С двух боков такие флаги снабжены лентами или другой материей светлых тонов. В помощь *нине* флагом служил платок красного цвета или головная повязка *сурпан* с вышивкой красного цвета. На современных флагах, используемых во время проводов в армию, могут написать имя рекрута.

Внешне флаги напоминают иконки и хоругви из древнерусских летописей (рис. 1-3). На длинном шесте флаг развевается, сказано в словаре чувашского языка [6, 179]. Но буквальным переводом фразы *ялав тутри* в этом предложении может быть и 'платок флага', и 'полотнище флага'.

Рис. 1. Проводы в армию. Дер. Хорамалы Советского р-на Чувашской АССР. 1950-е гг. Фотография получена от студентки О.М. Прокопьевой. Из собраний автора.

Рис. 2. Проводы в солдаты. Дер. Тугасы Шумерлинского р-на Чувашской АССР. 1950-52 гг. Получена от студентки Ольги Беловой. Из собраний автора.

Рис. 3. Проводы в армию. Аликовский р-н Чувашской АССР. 2022 г. Интернет, открытый доступ.

Еще в первой половине XX в. можно было зафиксировать такие флаги в домах. Например, в обряде *чүккеле*, посвященном первому хлебу из нового урожая, старики рода усаживались за стол и запевали древнюю песню земледельцев *Алран кайми*... Сакральность празднику придавало «богато вышитое полотенце, которое не выполняет никаких других функций, кроме торжественно-ритуальных назначений. Полотенце это передавалось из поколения в поколение, оно выполняло функцию своеобразного «флага над очагом» [7, 327]. В данном случае речь идет о женском головном полотенце *сурпан*. Такой же *сурпан* присутствует на свадьбах *шилёк* верховых чувашей, украшая П-образное устройство под лабазом: «К столу их привязана кудрявая березка, на вершине которой развевается, вроде флага, белый сарпан» [8, 80]. Совершенно аналогичная картина у северных соседей современных чувашей – марийцев («березка с развевающимся на вершине белым сарпаном наподобие флага» [8, 152]). Башкиры, кстати, аналогичные полотенца «с вышитыми красной ниткой концами... *кызыл башлы тастамал*» вывешивали над домом невесты [9, 132]. Осетины флаг, использованный на скачках во время свадьбы, «хранили в скрытом от посторонних глаз месте» [10, 375]. А во время обряда вызывания дождя группы поющих и танцующих женщин шли «с флагом из селения в селение, обливая друг друга водой» [10, 436].

Имеется хорошее описание флага в семейной обрядности осетин. Флаги, как и у многих народов, различались «по форме, размеру, цвету и декору» [11, 114]. У алан флаги представляли собой продолговатые полотнища на древках. Боевые знамена осетины изготавливали из тканей розового цвета. Они же шили полотнища для флага из цветных лоскутов (пестрый флаг).

Имеющиеся фотографии позволяют говорить преимущественно о воинском содержании их назначений. Об этом свидетельствуют как использование во время проводов в армию, так и изображение на них пятиконечной звезды. Значение флага обеспечивается сплочением народа вокруг такого символа.

По случаю проводов в армию чуваша открывали бочку пива и накрывали стол. После небольшого угощения будущий солдат берет целый хлеб и, не придерживая рукой, отрезает его край. Горбушка падает на стол. При этом смотрят: если носом вверх – то солдат благополучно вернется, если носом вниз – то не будет счастья. Остальной хлеб режет на тонкие слои, каждый ломоть посыпает солью и раздает находящимся в избе. Когда все получают по кусочку, встают на молитву. Моление произносит сам рекрут. Он обращается к божеству *Турй*. Благодарит его за то, что до сих пор берег его, просит и в дальнейшем не бросать, дать возможность вернуться домой. Свой кусочек-горбушку уходящий ломает пополам, одну половинку съедает сам, а другую отдает матери. Прежде чем выйти из-за стола, делает три круга вокруг стола, говоря: «Пусть меня этот отцовский хлеб вернет обратно». Переданный матери на хранение кусочек хлеба солдат должен доесть после возвращения.

До середины XIX в. осетины пользовались воинскими знаменами. Перед набегом на соседние территории выбирали знаменосца. Должность эта была роковой, т.к. противник всегда стремился в начале боя уничтожить знаменосца. У флага давали клятву. В частности, клятва имеет такие слова: «Клянусь, своих товарищей не выдам, раненого товарища спасу от врагов, а тело убитого предам земле» [11, 116]. Затем брались за руки и говорили: «Будем братьями и защитим себя, как дети одних родителей». Следует заметить, что в грузинском языке *алами* означает белый флаг на могиле умерших от раны.

Знамя/флаг может быть символом дарения привилегий. Так, в 1840 г. ингуши от имени наместника Кавказского были удостоены знамени с привилегиями за сопро-

тивление чеченскому лидеру Шамилю, а в 1863 г. это знамя было отобрано вместе с привилегиями за несогласие объединить хутора в большие селения [12, 13, 34]. В случае военной опасности в Балкарии объявляли полную мобилизацию, когда все мужчины вставали на защиту родной земли. Для этого водружали черный флаг с изображением кинжала и стрелы в пересекающемся положении. Во главе ополчения ставили самого храброго мужчину [13, 90].

Во времена великого князя Игоря водружение стяга означало призыв войск на сборный пункт. Перед боем стяг ставили на возвышенное место, а войска строились за флагом в боевой порядок. Количество стягов обозначало силу войск. Высоко поднятый флаг означал победу, а склоненный или лежащий на земле – поражение.

Следующий обряд, во время которого используется флаг, это помочь *ниме* – общесельский институт традиционной формы взаимопомощи у чувашей. Проводится на уровне рода, соседства и села. Это явление общезнаменное, оно распространено во всех регионах, в том числе и среди дисперсных групп. Суть *ниме*, одной из форм жизнеобеспечения, состоит в бескорыстной коллективной помощи. Жнитво является наиболее древней формой *ниме*. Хотя его начинают и в основном выполняют силами семьи, но оканчивают помощью, хотя бы в этом и не было нужды. Таким образом, выясняется важный аспект *ниме* – коллективизм. Также выходили миром на покос. И ранее, и сейчас чувашаи созывают на *ниме* при возведении сруба и дома. Помочь устраивают для семей погибших, потерявших кормильца, погорельцев. Поэтому неудивительно, что в истории чувашского народа нищих, ходящих из села в село за подаванием, практически не было. Сами чувашаи давали нищим пищу и одежду не ради получения благодарности, а считали, что такой дар идет в иной мир умершим родственникам. В *ниме* чувашаи не делились на богатых и бедных. В работе были все равны. Помочь устраивали как зажиточные, так и малоимущие крестьяне. Особенно это касалось возведения дома с укладкой мха между бревнами. *Ниме* не изжило себя, не затерялось, как многие обычаи. Эта традиция практикуется среди родни, а также в рамках улицы и поселения. Родственники и сельчане и сегодня помогают одиноким и престарелым людям. Например, при постройке дома, посадке и уборке картофеля, заготовке дров, ремонте изгороди и т.д. Это те работы, в которых необходимы усилия нескольких человек одновременно. Чувашаи все еще аграрная, люди не отрываются от земли предков. В праздники и выходные горожане выезжают в родные пенаты для облегчения труда своих родителей и стариков. А в город везут плоды благодарной земли-кормилицы.

Наиболее выпукло проявляется роль флага в песнях, исполняемых в *ниме*. Тот, кто созывает на помощь, заранее готовит угощения. Кого-либо из наиболее инициативных родственников выбирают главой *ниме*. На самом деле их бывает трое. Если один устает кричать и петь, его заменит другой.

Тот вывешивает флаг на сарай и начинает зазывать:

На *ниме*! На *ниме*! На *ниме*!
К Кирушу на пирушку!
В честь *ниме* резали барана,
Баран варится-парится –
Будто хочет из котла выпрыгнуть!
В честь *ниме* приготовили пиво *сăра*,
В бочке шипит-играет –
Вот-вот бочку разорвет.
На *ниме*! На *ниме*! На *ниме*!
К Кирушу пиво пить! [14, 180].

На *нине* являлись все, кто хочет. Никому не запрещали. А когда выходили жать рожь, также воздвигали флаг. Глава помочи зазывал народ: «У Хведера зерна немного, но *нине* собирает. Айда, пойдём, поможем!» В поле ехали на телегах с флагом. Явившихся он ведёт на загон. А сам ходит и наблюдает за работой. «Все хорошо жнут, только у одного полосу загона гусь запутал!» – стыдит принародно глава помочи. Но не называет имя отстающего. Но люди догадываются, о ком речь.

В полдень он приглашает на обед:

Голова барана в сумке,
Дубина вязовая за спиной! [14, 182].

А в день похорон на могильный холм ставили невысокую антропоморфную по виду дощечку *чёре калак*, которую повязывали платочком. Рядом ставили флажок *ялав* на длинной палке. У могилы размещали стол и стул. В месяц *юна* (~ октябрь – ноябрь) ставили деревянный антропоморфный столб *юна*. Помещается на западной стороне холмика, т.е. в головной части, чтобы похороненный и столб с символическим лицом смотрели на восток. Кроме того, в *юна* на холмике разводили небольшой огонь [15, 32об.; 16, 95].

Осетины на траурный флаг размещали две пары звезд, что указывает на похоронно-поминальную практику, ибо четность связана с идеей смерти. У них же термин *а́лает* символизирует те же понятия [11, 128].

У марийцев Бирского уезда бытовал обряд *Сосьо войзьымаш*, проводимый лишь в том случае, если завещал покойный. Назначают обряд не ранее двух лет после годовщины. Сначала гонцы извещают всех родственников. Но на празднество могут приходить и те, кого не приглашали. Утром один из зятьев (если есть таковой) едет верхом на кладбище звать покойника. Он обходит кладбище три раза, после чего вскачь возвращается обратно. Взмыленную лошадь закалывают. Вареное мясо съедается гостями в тот же день. Кости закапывают в шалаше. После всего размещают флаг *ту* на длинном шесте. Начинается соревнование стрельбы в флаг. Гости, живущие близко, уезжают по домам, а дальние родственники остаются ночевать [17, 63].

Все сказанное относится, как видим, к народам восточноевропейского региона. Особняком стоят материалы о флагах азиатских народов. Посмотрим, для примера, тувинские флаги. Распространенные здесь обрядовые ленты и флаги (*чалама*, *кадак*, *тук*) имеют древнее происхождение и отражают традиции тибетской религии Бон. Популяризация их привела к массовому изготовлению. А это уже неотрадиционализм. Для простых тувинцев *кадак* являлся слишком дорогим предметом, так как завозился из Монголии и Китая. «Так называемые родовые флаги – *аймактың хей-аът тугу* (*туктары*). Они в несколько раз больше обычных *хей-аът туктары* и предназначены для прикрепления на высокие шесты» [18, 351]. Авторы статьи справедливо считают, что нерегулируемое размещение лент и флагов мешает деревьям расти, приносят вред окружающей среде [19, 19–23].

Итак, тему «Обрядовые флаги чувашей» можно считать незаслуженно забытой этнографами. Сам ритуал бытовал и бытует, его можно отнести к числу традиционно исполняемых. Но слишком мало записей текстов, а также иллюстраций. Имеющиеся фотографии относятся к периоду с середины XX в. по сегодняшний день. В чувашском языке для обозначения флага используют два слова – *ялав* и *эле́м*. Первое заимствовано из тюркских языков (скорее всего – через казанско-татарское *яулык*), а второе вос-

ходит к персидскому *äläm*. Речь идет о флагах не государственного, не политического и не собственно военного плана, а изготовляемых в домашних условиях в обрядовых целях. Иногда вместо флага использовали платок нужного цвета или полотно размером примерно 50 x 100 см. Как показал анализ, такие флаги чуваша использовали при проводах в армию, во время помочи и в похоронно-поминальных обрядах. Соответственно, флаги имели те или иные семантические смыслы, передаваемые через цвет, аппликации и вышивки. Особняком стоят ритуальные флаги тувинцев.

1. *Салмин А.К.* Этническая история чувашей на савиро-булгарском перепутье. СПб.: Нестор-История, 2024. 336 с.
2. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1905. Т. III. 98 с.
3. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1929. Вып. III. 364 с.
4. Персидско-русский словарь / Сост. Б.В. Миллер. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. 668 с.
5. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: АН СССР, 1958. Т. 1. 655 с.
6. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1929. Вып. IV. 352 с.
7. *Волков Г.Н.* Этнопедагогика. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 376 с.
8. *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 512 с.
9. *Султангареева Р.А.* Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. 244 с.
10. Осетины / Отв. ред. Цаллагова З.Б., Чибиров Л.А. М.: Наука, 2015. 605 с.
11. *Уарзиати В.С.* Флаг в семейной обрядности осетин // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе: СОНИИИФЭ, 1987. С. 114-133.
12. *Грабовский Н.Ф.* Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. 1876. Вып. IX. С. 1-111.
13. *Мусукаев А.И.* Из прошлого забытого. Нальчик: Эльбрус, 1975. 100 с.
14. *Васильев Н.* Материалы экспедиции. 1961 г. // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИ). Ф. III. Д. 197.
15. *Родионов В.Г.* Материалы комплексной экспедиции в ТАССР, Ульяновскую и Куйбышевскую области. 1984 г. // НА ЧГИ. Ф. III. Д. 762.
16. *Иванов В.П.* Полевые материалы, собранные в ходе комплексной экспедиции в Ульяновскую, Куйбышевскую области и Татарскую АССР. 1984 г. // НА ЧГИ. Ф. III. Д. 763.
17. *Васильев В.М.* Верования и обряды мари // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1920. Т. XXXI. Вып. 1. С. 40-70.
18. *Ламажаа Ч.К., Санчай Ч.Х., Монгуш А.В.* Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 344-370.
19. *Салмин А.К.* Энциклопедия традиционных обрядов и верований чувашей / Salmin Anton. The Encyclopedia of Chuvash Folk Rites and Beliefs. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2011. 408 p.

Salmin, Anton K. – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>; antsalmin@mail.ru

CHUVASH'S RITUAL FLAG IN A COMPARATIVE HISTORICAL PERSPECTIVE.

Keywords: ritual flag, Chuvash, Eastern Europe, Caucasus, ethnic history.

Ethnic history has always remained the most complex of all problems for historical science in the broad sense. Therefore, ethnographers strive to seize every opportunity to find and explain similarities, parallels, and “difficult facts” in the histories of peoples. In this case, the author of this article was interested in a homemade Chuvash ceremonial flag (originally called elem, after Turkification and Tatarization, yalav), rarely encountered in modern research. He hoped that comparisons with existing examples from other peoples would shed at least a ray of light on the topic under discussion. This is the relevance of this article. The aim of the study was to explore the traditions of using a household flag in ritual situations. The time-tested methodology of comparative historical research was chosen as the scientific basis. The scientific novelty is determined by the existing direct and semantic correspondences between Chuvash patterns and those of the peoples of the Caucasus and the Middle Volga region. It turns out that the ceremonial flag, particularly among the Chuvash, has become an undeservedly “forgotten” historical and ethnographic problem. Research into this topic has led to the conclusion that the Chuvash had direct historical contacts with the Alan-Ossetians in the Caucasus and the Volga-Don interfluvium, and with the Cheremis-Mari, once they had settled in the Middle Volga region. Thus, using this specific example, one can trace the migration trail of the Chuvash's historical ancestors. The mid-20th century saw the greatest number of ceremonial flags recorded among the Chuvash. They were used during pomoch, at weddings, and especially at military service. A richly embroidered women's head towel, a surpan, was often used in place of a flag. Nowadays, half-forgotten flag rituals are being revived on the wave of neotraditionalism.

For citation: Salmin, A.K. Chuvash's ritual flag in a comparative historical perspective // *Izvestiya SOIGSI*. 2026. Iss. 60 (99). Pp. 74-82. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.99.60.014

References

1. Salmin, A.K. *Etnicheskaya istoriya chuvashei na saviro-bulgarskom pereput'e* [The ethnic history of the Chuvash at the Savir-Bulgar crossroads]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2024. 336 p.
2. Radlov, V.V. *Opyt slovary tyurkskikh narechii* [The experience of the dictionary of Turkic dialects]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1905, vol. III. 98 p.
3. Ashmarin, N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Narkompros ChASSR, 1929, iss. III. 364 p.
4. Miller, B.V. (comp.). *Persidsko-russkii slovar'* [Persian-Russian Dictionary]. Moscow, Gos. izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarei, 1953. 668 p.
5. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of sciences, 1958, vol. I. 655 p.
6. Ashmarin, N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Narkompros ChASSR, 1929, iss. IV. 352 p.
7. Volkov, G.N. *Etnopedagoghika* [Ethnopedagogy]. Cheboksary, Chuvash, kn. izd-vo, 1974. 376 p.
8. Mikhailov, S.M. *Sobraniye sochinenii* [Collected works]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo, 2004. 512 p.
9. Sultangareeva, R.A. *Semeino-bytovoivo obryadovyi fol'klor bashkirskogo naroda* [Family and household ritual folklore of the Bashkir people]. Ufa, Ghilem, 1998. 244 p.

10. Tsallagova, Z.B., Chibirov, L.A. (eds). *Osetiny* [Ossetians]. Moscow, Nauka, 2015. 605 p.
11. Uarziati, V.S. *Flag v semeinoi obryadnosti osetin* [The flag in Ossetian family rituals]. *Problemy istoricheskoi etnografii osetin* [Problems of Ossetian historical ethnography]. Ordzhonikidze, North Ossetian Research Institute, 1987, pp. 114-133.
12. Grabovsky, N.F. *Ingushy (ikh zhyzn' i obychai)* [The Ingush (their life and customs)]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. 1876, iss. IX, pp. 1-111.
13. Musukaev, A.I. *Iz proshlogo nezabytogo* [From the unforgettable past]. Nalchik, El'brus, 1975. 100 p.
14. Vasiliev, N. *Materialy ekspeditsii. 1961 g.* [Expedition materials. 1961]. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGI)* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute for the Humanities (SA ChSIH)]. Fund III. Case 197.
15. Rodionov, V.G. *Materialy kompleksnoi ekspeditsii v TASSR, Ul'yanovskuyu i Kuibyshevskuyu oblasti. 1984 g.* [Materials of a comprehensive expedition to the TASSR, Ulyanovsk and Kuibyshev regions. 1984]. *NA ChGI* [SA ChSIH]. Fund III. Case 762.
16. Ivanov, V.P. *Polevye materialy, sobrannye v khode kompleksnoi ekspeditsii v Ul'yanovskuyu, Kuibyshevskuyu oblasti i Tatarskuyu ASSR. 1984 g.* [Field materials collected during a comprehensive expedition to the Ulyanovsk, Kuibyshev, and Tatar ASSR in 1984]. *NA ChGI* [SA ChSIH]. Fund III. Case 763.
17. Vasiliev, V.M. *Verovaniya i obryady mari* [Beliefs and rituals of Mari]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archaeology, History, and Ethnography at Kazan University]. 1920, vol. XXXI, iss. 1, pp. 40-70.
18. Lamazhaa, Ch.K., Sanchai, Ch.Kh., Mongush, A.V. *Ritual'nyye lenty i flaghi v praktike sovremennykh tuvintsev* [Ritual ribbons and flags in the practice of modern Tuvans]. *Novyye issledovaniya Tuvy* [New Research on Tuva]. 2023, no. 4, pp. 344-370.
19. Salmin, A. *The Encyclopedia of Chuvash Folk Rites and Beliefs*. Lewiston, Edwin Mellen Press, 2011. 408 p.